
Онтология нравственного в феномене образования

© 2025 г. А.О. Карпов

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Москва, 105005, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1.

E-mail: a.o.karpov@gmail.com

Поступила 19.06.2024

Нравственное есть фундаментально определяющее и онтологически основоывающее феномен образования. Современное образование все более исключает нравственное из своей деятельности, тем самым разрушая свое человеческое основание, становясь институтом без-нравственного. В статье представлено место нравственного в фундаментальной онтологии образования, определены категории антропо-полагающей онтологии образования – экзистенциалии и социеталии. Разработаны онтологические оппозиции: нравственное и духовное (в аспекте разделения категорий «человек» и «личность»), нравственное, без-нравственное и безнравственное, нравственное и ценности. Выявлены связи непредсказуемости нравственного с отношением к истине и диссонансу нравственного. Определены инструменты нравственного и онтологическое разделение категорий нравственного в современном образовании. Сформулированы фундаментальный вопрос в отношении нравственного и нравственный долг образования. Обоснована опережающая роль образования в нравственном росте общества. Показана необходимость переопределения содержания образования под углом зрения культивирования человеческих начал личности. Продемонстрированы процессы вытеснения нравственного из научно-познавательного отношения в России.

Ключевые слова: нравственное, образование, фундаментальная онтология, истина, сущность, человечность, личность, духовное, без-нравственное, без-нравственное, ценности, расчеловечивание, непредсказуемость, диссонанс, вытеснение.

DOI: 10.21146/0042-8744-2025-1-51-62

Цитирование: Карпов А.О. Онтология нравственного в феномене образования // Вопросы философии. 2025. № 1. С. 51–62.

Ontology of Morality in the Phenomenon of Education

© 2025 Alexander O. Karpov

*Bauman Moscow State Technical University,
5/1, 2-ya Baumanskaya str., Moscow, 105005, Russian Federation.*

E-mail: a.o.karpov@gmail.com

Received 19.06.2024

The morality is the fundamental basis and ontological foundation of the education phenomenon. It is becoming increasingly apparent that modern education is excluding morals from its activities, thereby destroying its human foundation and transforming it into a moral-free institution. This paper examines the place of morality in the fundamental ontology of education and describes categories of anthropo-defining ontology of education – its existentials and societal. Ontological oppositions are developed, including the moral and spiritual (in terms of separation between categories of “human being” and “personality”), moral, moral-free, and immoral, morality and values. The author also reveals the relationship between unpredictability of morality and attitudes towards truth and dissonance of morality. Instruments of morality and ontological separation of moral categories in modern education are defined. The fundamental question regarding the morality, as well as moral duty of education, are formulated. The outpacing role of education in the moral growth of society is substantiated. The need in re-definition the content of education from the viewpoint of cultivating human principles of personality is shown. The processes of displacing morality from scientific and educational relations in Russia are presented.

Keywords: moral, education, fundamental ontology, truth, essence, humanity, personality, spiritual, immoral, values, dehumanization, moral-free, immoral, unpredictability, dissonance, displacement.

DOI: 10.21146/0042-8744-2025-1-51-62

Citation: Karpov, Alexander O. (2025) “Ontology of Morality in the Phenomenon of Education”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2025), pp. 51–62.

Но погружаясь в себя, до тьмы исподней,
Я чую: ощупью он ищет пищу,
мой Бог. Во мне темнея словно в яме,
Он – молча алчущее корневище.
И попросту из теплоты Господней
расту, на самом дне шурша ветвями.

Райнер Мария Рильке

Введение

Нравственное, как никогда ранее, должно стать заботой образования вообще и российского образования в частности. В значительной степени потому, что сегодня оно такой заботой не является. Более того, образование в своем существе стало институтом без-нравственного, то есть организацией, выведшей нравственное за пределы своей деятельности, обходящейся без нравственного. Однако не в этом причина вести онтологический разговор об образовании с нравственного. Нравственное есть изначально устанавливающее феномен образования как таковой. Его элиминация ведет

к расчеловечиванию образования, то есть к такому его состоянию, когда оно обслуживает институты господства, ставящие во главу угла не-человеческие интересы. Причем обслуживает не как дающее рост человеческому существу каждой отдельной личности и народа, а формирующее послушную своим интересам массу, исключаящую нравственное из чувствования и осмысления.

Аподиктическая роль нравственного в феномене образования будет прояснена посредством фундаментальной онтологии, группы категорий, существенно связанных с нравственным в образовании, инструментов нравственного в образовании, фундаментального вопроса и нравственного долга образования. Итожащим станет обращение к процессам вытеснения нравственного из научно-познавательного отношения в современной России.

Нравственное в фундаментальной онтологии образования

Говорить о первых началах социально сущего, значит представить феномен социально сущего в масштабе фундаментальной онтологии, которая исследует его всеопределяющие принципы на уровнях существования и бытия. Первое есть мир наличной реальности, второе – вневременное основание, которое устраивает и направляет существование. Место бытия феномена устанавливает существование феномена, дающее ему право *быть*. Оно содержит конфигурации основоструктурных форм, обуславливающие его истинностный образ в существовании. Изменяя ему, феномен разрушается и теряет свою сущность.

Онтологическое структурирование феномена образование включает, во-первых, то, что обосновывает в бытии феномен и порождает его из бытия, во-вторых, то, что феномен про-изводит из самого себя. Эти две части взаимопроникают и обуславливают друг друга, формируя область существования феномена. Отсюда в структуре места бытия феномена образования я выделяю учреждающую и антропо-полагающую метакатегории, которые дают соответствующие названия его структурным онтологиям [Карпов 2024^б, 66–71].

Учреждающая онтология устанавливает исходное феномена – первоначальное в его бытии и дающее ему существование. Разработанная в ряде моих работ, она включает обосновывающее, универсальное и парадигмальное измерения. Обосновывающему измерению принадлежат онтологическая сущность и отношение к истине. В конкретике исторической и социальной реальности онтологическая сущность объективируется в императивной. Категориальный состав универсального измерения задается структурными, процедурными, психическими и распределительными универсалиями. Парадигмальное измерение определяется строением не-куновских парадигм, а именно формой, способом, функцией и генерализацией бытия феномена [Карпов 2019, 57–62; Карпов 2021, 10–14; Карпов 2024^а, 21–27]. Обращенность образования к онтологическому «из-феномена», к своему предназначению, к тому, что составляет его идею, судьбу и смысл существования, выводит на отношения к человеку внутреннему и человеку внешнему. Обращаясь к бытию, пройти мимо человека нельзя, поскольку они пред-посланы друг другу [Хайдеггер 1991, 76]. Образование, действующее через онтологическое «из-феномена», есть фундаментальный способ утверждения человека, поскольку вершит его существо и вкореняет сущность.

Антропо-полагающая онтология содержит экзистенциально-трансцендентальное и человекомирное измерения. Категории первого – экзистенциалии, раскрывают сердцевину многогранной сущности исторического индивида, на которую направлено образование. Категории второго – социеталии, выражают исконные формы настраивания индивида к пребыванию в среде социально сущего. Свой труд «Антропология с прагматической точки зрения» И. Кант начинает словами: «Цель всех успехов в области культуры, которые служат школой человеку, – применять полученные знания и навыки к миру; но наиболее важный предмет в мире, к которому эти знания могут быть применены, – это человек, поскольку он есть собственная последняя цель» [Кант 1994^а, 138].

Именно человек в его бытийной пред-назначенности есть онтологический замысел экзистенциально-трансцендентального измерения феномена образования, которое творит его *ἀρχαί* – человек-себя-узнающий, человек-себя-выражающий, человек-качественность, человек-как-человек. Отсюда выводится онтологическое обоснование категориального состава экзистенциалий, включающего *самопознание, самовыражение, духовное, нравственное*. Нравственное сущностно единит экзистенциалии, то есть довлеет их насущному пред-значению; причем довлеет в императивной форме, направляя к человеку их действие и содержание. Нравственное в философском плане имеет дело с тем, что *должно* быть [Кант 1994⁶, 610, 611]. Ведь можно быть личностью, но не *быть* человеческим: обожать музыку Вагнера и отправлять людей в газовые камеры, восхищаться талантами Вольтера и Руссо и засекал крепостных крестьян до смерти.

Нравственное и духовное

Важно отделять нравственное от духовного. Нравственное есть высшее сущностное начало *человечности*, тогда как духовное – конституирующее начало *личности*. Духовное рождает личность, нравственное – очеловечивает личность. «Человечность выражается в симптомокомплексе качеств человека, определяющих его отношение к другим людям в действиях и поступках, характеризующихся с позиций добра и зла» [Шадриков 1999, 59].

В философских текстах встречаются разные категориальные сочетания нравственного и духовного. В социально-нравственной концепции И.А. Ильина дух и духовное пробуждаются совестью – силой страшной, чистой и божественной, являющей себя как «живая и цельная воля к совершенному». Нравственное осуществляется посредством совести, действуя через иррациональный совестный акт или его остаточные содержания. В лице совести оно ставится в онтологическое начало духовного, которое в существе своем не может быть безнравственно [Ильин 1993⁶, 180, 181, 186, 187, 191, 190]. Е.П. Никитин рассматривает нравственное, наряду с познавательным и эстетическим, в качестве «троеначала» духовного мира [Никитин 2004^а, 278] – компонентов духа, стремящегося к единству Истины, Добра и Красоты [Никитин 2004^б, 198]. В.Д. Шадриков, говоря о духовных способностях, замечает, что термин «духовное» используется им «в несвойственном ему смысле. Практически речь идет об этических качествах, о нравственном начале в человеке» [Шадриков 1994, 5].

В своей позиции я исхожу из того, что сущности нравственного принадлежит человеку-образующая функция. Иначе говоря, проявления нравственного вне *человечной* личности есть лишь набор эпифеноменов нравственного, но не нравственное в своем существе. Тогда, если духовное может существовать без нравственного, делающего человеческим, значит, такое нравственное не коренится в сущности духовного и требует концептуального разделения с ним. Нравственное в своем существе есть только тогда нравственное, когда оно утверждает человечность и утверждается человеком. Следовательно, нравственное есть необходимое условие человечности, и вместе с тем оно рождается исключительно из нее. Такова диалектическая особенность нравственного.

Нравственное не принадлежит духовному, оно пронизывает и настраивает его. Дух устремлен в высокое; между тем высокое у каждого разное, и в первую очередь нравственно разное. Следовательно, нравственное есть то, что определяет качество духовного в отношении добра и зла. Оно – всегда над ним, а не часть его. Нравственное выступает в качестве нормативного, накладываемого на действие духа, в том числе на духовную жизнь. Но вместе с тем оно зависит от счастья отдельного индивида и имеет отношение к благосостоянию всего человеческого рода [Адорно 2000, 160].

Духовное проявляется в нравственном, но не является им. Равно так духовное проявляется в эстетическом и эпистемическом, но не сопутствует им. В.Д. Шадриков отмечает, что «духовное не находится в прямой связи со способностями и интеллектом. Духовным может быть и человек со средними способностями, а бездуховным может

быть талант» [Шадриков 1999, 166, 167]. Вместе с тем духовный мир и духовная жизнь человека в своем единстве определяются нравственным, равно как эстетическим и рациональным.

Нравственное и без-нравственное

Нравственное действует в качестве специализированной формы регулирования отношений между индивидами, коллективами, обществом. Социальными субститутами нравственного выступают право, политика, идеология, которые трансформируют его в интересах власти. Субституты нравственного принадлежат управлению, исключаящему нравственный выбор. Формализуя нравственное, они мало заботятся о существовании дела и о последствиях в отношении самого нравственного. Отсюда произрастает и ширится без-нравственное.

В онтологическом отношении к нравственности наряду с категориями «нравственное» и «безнравственное» я выделяю категорию «без-нравственное». *Без-нравственное* – это то, что может быть вынесено на суд нравственности, но по тем или иным причинам не подлежит ему, когда нравственная оценка не может быть сделана вследствие неопределенности нравственного, противоречивости, не расположенности к тому, чтобы давать ее, доктринальной установки, ничтожащей нравственное. Без-нравственное есть серая зона нравственности, ее провал, ее забвение.

Общество и его отдельные группы как носители нравственного имеют свое отношение к нему – они в тех или иных пределах противостоят моральному администрированию либо следуют в его фарватере. В свою очередь власть прагматична в нравственном, и здесь – ее ахиллесова пята, поскольку общество, его группы и представители, рефлектируя нравственную прагматичность власти, способны быть впереди нее в освоении нравственного, даже когда они поглощены без-нравственным. За кем правда – решит история.

Система морали социально, исторично и культурно детерминирована. И через эту детерминированность прошлое понимается настоящим. Но нравственная оценка его дается по меркам сегодняшнего. Нравственное не может существовать как нравственное, будучи взятым из иного культурно-исторического времени или вне его, откуда-то со стороны. Став таким или воображаемым, оно порождает без-нравственное общество. Нравственное есть там, где история получает оценку современности, из которой общество может расти нравственно.

Без-нравственно прагматичное в итоге оказывается *«жизненно непрочным, некрепким, в высшей степени подверженным распаду и в личной, и в общественной жизни»*. Тогда «все начинает делаться “недобросовестно”, все снижается, обесценивается, становится никому не нужным: от научного исследования до фабричного продукта, от преподавания в школе до ухода за скотом, от канцелярии чиновника до уборки улиц». В без-нравственно прагматичной жизни «ослабевает чувство долга, расшатывается дисциплина, гаснет чувство верности». Наступает эра самодовлеющего мамонизма [Ильин 1993⁶, 180, 181, 184]. Слова, сказанные в далеком 1935 г. русским философом И.А. Ильиным, стали диагнозом нравственного упадка в современной России.

Сфера без-нравственного в сегодняшнем обществе влиятельна и велика. Она питаема ростом экзистенциальных угроз и технологической оснащенности жизни, дефицитом истины и замещающими ее медийными суррогатами. О сложных отношениях нравственного с истиной будет сказано далее. Тем не менее повседневная элиминация нравственного есть роковой вопрос нашей жизни в ее устремленности в *человеческое* будущее.

Неисчислимость нравственного и отношение к истине

В своем существовании нравственное не есть данное человеку как таковое. Оно не опирается на некий свод общих правил и рецептов, которые непосредственно можно применять в жизни. Оно непредсказуемо в силу неясности причин и последствий поступка.

Оно не выступает в качестве приятного, полезного, целесообразного [Ильин 1993^б, 191, 179]. В сложных нравственных ситуациях компаса нет: «...нравственная деятельность – даже при вполне сознательной и искренней установке на сотворение исключительно добра – творит также и зло» [Никитин 2004^а, 278]. Человек выращивает себя нравственно. Выращивает в своих вопрошаниях к миру и его ответах ему; ответах, лишь часть которых оказывается нравственной. Но этой частью человек растет и входит в полноту мира.

Умение *быть* в полноте мира, его материальной и духовной реальностях, такое «быть» означает сущностно и в истине править собой в отношениях к сущему, включая себя как сущего, – отношениях социальных и экзистенциальных. Править собой всегда предполагает предвосхищение исхода, конечно, гипотетическое предвосхищение. Онтологическая проблема нравственного в том, что оно неисчислимо, в том числе через ценности, – «нельзя доверять формулам, лишенным контекста» [Беседа с Хайдеггером 1991, 148].

Неисчислимость нравственного говорит о его сложных отношениях с истиной. Слепое следование абстрактной истине, управляющей этикой убеждения, по словам Т. Адорно, способно ликвидировать субъект морали и в своей чистоте вести ко злу. Под таким углом зрения проблема этики убеждения, питаемой моральным нарциссизмом, в ее отношении к этике ответственности, ставящей вопрос о последствиях, представляется неразрешимой. Истина теряется в противоречии «между конкретностью морально действующего субъекта и самими категориями морального, объективностью и взаимосвязанностью категорий морали» [Адорно 2000, 181–186]. Она «может быть вредна для устройства обыденной жизни» [Бердяев 2011, 210]. Таким образом, нравственное, как таковое, в наличном существовании не следует умозрительной истине и не следует из нее; иначе говоря, следование истине не всегда нравственно, особенно когда жизнь и смерть на кону.

Однако теряет ли нравственное само по себе тем самым принадлежность к истине? Не исключено, что слова, поступки, действия, которые в каких-либо случаях отказывают истине в проявлении, сами в своей сущности следуют истине. Делать что-то во имя истины не значит вершить истину, тем более быть в состоянии истины как стоянии в ней. Ведь можно и ошибаться. Когда утверждение истины в наличном существовании сподручно злу, то есть ведет к вреду и разрушению экзистенции, оно не может быть нравственным в своем существе и вместе с тем истинностным в своей сущности. Иначе говоря, элиминация такого рода спекулятивной истины получает санкцию истины бытия, обретая статус акта истины в существовании.

Нравственное и ценности

Расхожее отношение к нравственному утверждает, что человек – это ценность. Но ценность в свою очередь есть мера. Отсюда человека понимают как нечто измеримое. Тем самым его при-меряют к умозрительной абстракции, а через нее к банкноте в бумажнике, тоже обладающей ценностью. Посредством такой «ценностной» логики человек в категориальном плане ставится на одну доску с неким валютным эквивалентом, иначе говоря, монетизируется, а значит, расчеловечивается.

Нравственное расчеловечивание человека под знаком ценностей есть инструмент массовых движений, тоталитарных режимов, социальных катаклизмов, но также работа повседневной культуры, наследующей его в своей центральной зоне, то есть составляющее культурного кода и социальных установок тех или иных человеческих общностей. Во второй половине двадцатого века имели место суды Линча в Америке, «французский» геноцид в Руанде, человеческие зоопарки в Европе, «крепостное право» в России. Сегодня в Аушвице продают сувенирные магниты на холодильник с видом концлагеря.

Нравственное, механически следующее ценности, есть продукт отвлеченного, всеуравнивающего рассудка и воображения. Принятие решений в опоре на ценности

в существе своем подобно вычисляющим алгоритмам, которые играют весовыми коэффициентами для получения результата. В существенных решениях и поступках скорее правит необходимость, чем желания; иначе говоря, их первый ориентир – значимость, а не ценность. Большинство людей остаются внутри долга как значимого, «преображая его своим воодушевлением в собственное желание» [Кьеркегор 1993, 74], которое они объективируют в качестве ценности. Значимое может не быть ценным, то есть не иметь положительного содержания. Но именно оно фундирует предпочтение, тогда как ценности лишь подкупают его.

Нравственное – *всегда риск*, в том числе вследствие проблематичности отношения к истине. В нравственном, ставящем человека во главу угла, функции истины и лжи берут на себя добро и зло. Тогда движение к нравственно правильной жизни имеет в своей основе особого рода рефлексию, которая ставит под вопрос с точки зрения совести и ответственности абстрактные установки морали как личные, так и общественные, и вместе с тем имеющиеся представления о правильной и неправильной жизни [Адорно 2000, 193]. Такая рефлексия сталкивается с противоречивыми содержаниями морально требуемого и по-человечески необходимого, идущего от конкретности нравственного в ситуации и действии. Чтобы пытаться вести к нравственному, ей нужен опыт моральных размышлений и поступка. Отсюда, становление нравственной личности, то есть рост индивида как человека, является в значительной степени делом образования. Оно должно учить «подвергать рефлексии собственную обусловленность внешними факторами, признавая право на существование за иным, отличным от нас, и понимая, что подлинная несправедливость на самом деле возникает там, где самих себя признают справедливыми, а других – несправедливыми» [Там же, 193, 194].

Инструменты нравственного в образовании

В образовании нравственное играет онтологически основывающую роль. В обучении оно говорит о высоком значении «для чего», в познании оно указывает на высокое «во имя чего», в воспитании наставляет к высокому «кто он». Иначе говоря, в обучении нравственное ставит вопрос о смысле обретения знания, в познании – о назначении обретаемого знания, в воспитании – о миссии образованного человека. В образовании нравственное формируется как стержень идеального измерения человека.

Современное образование имеет в своем арсенале не очень много возможностей к развитию нравственного начала в учащих, более того, и эту малость оно использует весьма незначительно. К его инструментам следует отнести: (1) нравственную роль педагога и наставника в качестве идеального образца и старшего товарища; (2) обсуждение моральности действий и ситуаций на материале современности, истории, литературы, а также в рамках морального обучения; (3) взаимодействия с обществом, в частности научно-исследовательскую деятельность, организованные во внешней по отношению к учебному заведению среде.

Ролевые функции идеального образца и старшего товарища имеют существенное отношение прежде всего к вопросу о смысле обретения знания, то есть к высокому значению «для чего». Они отнесены мной к сфере микропедагогике учащего, о которой сказано в моей книге по обществу знаний [Карпов 2023, 115, 116]. Глубокие межличностные отношения позволяют совместно создавать нравственную структуру личности учащегося, включая миропонимание, моральное сознание, нравственные диспозиции и модели поведения, моральный самоконтроль; тем самым *закладывать в онтогенезе сущность концепции жизни человека*.

Моральная рефлексия в образовании человека является одной из главных ступенек к осмыслению высокого назначения обретаемого знания, то есть познания, которое есть антропологический вектор «во имя чего». Тем не менее позиция специалистов в этом вопросе далека от консолидации. Л.С. Выготский полагал «совершенно

бесплодными попытки морального обучения, моральной проповеди» [Выготский 1999, 211]. Однако экспериментальные данные показывают, что нравственность зависит от опыта *формирования* моральных суждений, которые подросток получает при рассмотрении моральных дилемм [Крайг 2000, 593]. При этом внутренне осознанная речь – всегда больше, чем просто словарное слово, она сопряжена с действием [Freire 1985, 50], она позволяет, «благочестиво рассуждая, познавать» [Августин 2021, 11] и проявлять себя во внешнем, обнаруживая внутреннее добро, или зло, или их трагическое смешение [Ильин 1993^а, 14]. Экзистенциальное общение есть основа для моральной рефлексии в образовании.

При обучении, как и во внешней жизни, не может не возникнуть диссонанс нравственности. Он идет от несовместимости привычных воплощений нравственного, его высоких литературных и исторических образцов с примерами, которые наряду с ними дает учебный материал, включая суровость культурных традиций, вписанных в его контексты, злодейства исторических личностей, признанных героями. Диссонанс нравственности настаивает в осознании потребности человека ничтожить, чтобы жить, родственное ему живое, будь то фауна или флора, которые в качестве биоты принадлежит части его природы. Он мучителен от необходимости сосуществовать с общественно легитимными проявлениями без-нравственного и безнравственного.

Интеллектуальный выбор, даже при умственной честности, и нравственный выбор – это разное. Движение нравственного исходит из того, что нравственное в одном отношении в другом может быть безнравственным. Конечно, моральные ситуации, так или иначе выстроенные, обучают и наставляют в своем разрешении. Опыт, совет, моральные образцы и нормы нравственно ориентируют, то есть говорят о предпочтительности одного другому, одобряют выбор, формируя тем самым представление о благе. Однако они риск не снимают, не избавляют от непредсказуемости нравственного, от жизни в условиях нравственного диссонанса.

К непредсказуемости и диссонансу нравственного более всего готовят контексты жизни в обществе, введенные в образование, – жизни социальной, культурной, профессиональной, экономической. Именно они наделяют практически «работающими» нравственными образцами ситуации, оценки, действия; дают самостоятельный и непосредственный опыт нравственного чувствования, в котором представления переходят в поступок; рождают осознание того, что нравственное – это глубоко личное явление и внутреннее добытое достижение. Они ведут растущего человека к тому высокому «кто он», к которому примеряют себя и которое есть миссия образованного человека в качестве образованного человеком.

Взаимодействие с обществом, соединенное с моральными образцами и нравственной рефлексией, позволяет сделать существенный шаг к решению проблемы нравственного в образовании, а именно привить восприимчивость и отзывчивость к нравственному – *нравственную чуткость*, побудить потребность в нравственном – *нравственные помыслы*, воспитать предпочтение нравственному – *нравственную честность*, наделить умением в обращении с нравственным – *нравственной опытностью*. В таком соединении обретается понимание, когда нравственное – это долженствование, а когда – некоторая прикидка к нему, стоящая в нерешенности. Через него становятся возможными вопрошание о *нравственно лучшем*, нравственное действие в силу *собственного* желания, воление к нравственному совершенству. Нравственное не вершат, ему отдаются и, случается, платят за него дорогой ценой. Но оно стоит того, как камень духа, на котором строит себя и стоит человек [Ильин 1993^б, 198].

Фундаментальный вопрос и нравственный долг образования

Проблема неисчислимости нравственного как проблема «неопределенности всех нравственных оценок, непостижимой взаимосвязи добра и зла» [Юнг 2023, 261, 262] есть фундаментальный вопрос, который стоит перед современным образованием и образованием будущего. Отсюда, умение в обращении с нравственным предполагает

нравственную прозорливость и ответственность, а именно распознавание и оценку экзистенциальных и социальных причин, последствий поведения, решения и действия в сферах нравственного. Оно в существе своем – не расчет, догадка или предусмотрительность, но скорее *творческая сила* нравственного, идущая от побуждения, влекущая к углублению в себя, выводящая в прозрение. И вместе с тем оно может требовать воздержания, чтобы «в осторожном и терпеливом ожидании увидеть, каким образом все обернется в итоге» [Юнг 2023, 259].

Нравственное извлекается из нелегких дел и напряженных трудов. Образованию необходимо впитать в себя содержания, приводящие нравственное в *состояние испытания*, подводящие к страшной, бытийно предельной дилемме нравственного – «не является ли какое-либо зло необходимым для того, чтобы посредством энантиодромии свершилось добро, и не приведет ли какое-либо добро ко злу» [Там же]. Именно через испытующее приобщение к делу нравственного идет искоренение нравственности, воспитание духа истины и человеческое воздвигание себя.

Образование должно нравственно расти впереди общества, а учебная культура – содержать нравственное как доминанту. Образование обязано дать то существенное, из которого выпускник начнет свой взрослый путь в общественной нравственности к своему нравственному; то существенное, которое позволит ему на этом пути судить и оценивать как себя, так и нравственные образцы общества; то существенное, посредством которого он будет выстраивать и отстаивать нравственное. Образование должно придать «ему особый дух – дух искания, ответственности и служения» [Ильин 2023, 185]. В таком духовном укладе он сможет возводить себя как человек. Отсюда высвечивается сущность проблемы нравственного в образовании и экзистенциальная сущность образования как такового. В своем общем ядре они есть культивирование человечности в индивиду и обществе. *Только так общество может расти нравственно. Только так его может опережать в нравственном росте образование.*

Проблема нравственного в образовании отсылает к пониманию человечности, которое в существе своем трансцендентно, то есть требует скачка в осмыслении. Поэтому оно вызывает трудности и расхождения. Понимание человечности подводят к моральным установкам общества, которые, как его продукт, могут что-то сказать о нем. Однако человечность как таковая не исчерпывается моральными нормами. Они – не только ее прокрустово ложе, но и то, что способно деформировать и отрицать само человеческое существо. История полна не-человеческого в морали человеческих обществ независимо от социального устройства, культуры, формы правления.

Вместе с тем несомненно, что сущности человечности принадлежит способность ставить под нравственный вопрос индивида и общество. Вследствие чего к внутреннему пониманию человечности подводят состояния нравственного испытания, дающие свободу нравственному видению. Именно поэтому образование должно включать их в качестве ключевого содержания, причем не только в дискурсивной форме, но в первую очередь социально-практической, нацеленной на решение задач, формулировка которых содержит категории нравственного. Отсюда следует необходимость фундаментального переопределения в образовании учебно-познавательных методов и материала в направлении понимания человечности, причем не только касательно общественных и культурных сфер жизни, но также профессиональных и экономических.

В России нравственное все более вытесняется из научно-познавательного отношения. Накрутка цитирований научных статей поставлена на легитимную и предпринимательскую основу. В стране процветает рынок написания диссертаций и студенческих работ. И, судя по всему, законом эта деятельность не преследуется. Более того, недавно вынесенное судебное решение говорит о легитимации товарно-денежных отношений в сфере научно-познавательного подлога, а следовательно, и самого подлога. Суд взыскал с подрядчика, взявшегося за написание докторской диссертации, денежную компенсацию в пользу заказчика. Основанием стала некачественно выполненная работа. То, что имел место обман государственного органа – ВАКа, судью не заинтересовало. Тем самым субститут нравственного в лице права показал свою настроенность

исключать в научно-познавательной сфере нравственное, то есть стал проводником без-нравственного.

ЕГЭ разрушающе действует на школу, учителя, ученика. Пропаганда ЕГЭ началась во второй половине 1990-х годов в период роста частных школ. В качестве аргумента выдвигалась идея о необходимости (?) выдавать дипломы государственного образца их выпускникам. Она была встречена негативно, и тогда в ход пошли лозунги, апеллирующие к нравственному, – доступность и равенство для всех в получении высшего образования, объективность оценивания. Преимущества оказались надуманными, а недостатки – реальными. Потери коснулись всех учащихся и всего общества, теряющих стимулы мышления, раскрытия творческих возможностей, настроенность на поиск истины и в конечном счете человека будущего; того будущего, с которым эти потери несовместимы.

С введением ЕГЭ катастрофическому разрушению подверглись онтологические основы российской школы – сущность как воздвигание человечности, образовательные универсалии, имплицитная парадигма. Следствием затеи с ЕГЭ стали элиминация гражданской позиции и нравственности, духовного развития и интеллектуальной честности, подмена образования в его творческой функции учебным натаскиванием и заучиванием. Школа как место, наделяющее познающим мышлением, приняла облик информационного сервиса для потребителей, где мнемонические процедуры заменили выращивание учеником в себе знания. Школа как место, образующее человеком, обрела сущность пенитенциарного учреждения, она стала имперсоналистична [Карпов 2019, 58–64]. Так претендующее на нравственное, не видя полноты последствий, оказывается в сущности своей безнравственным, действующим в русле американизации образования, то есть дающим образование не многим, а «как-бы образование» – большинству.

Нравственное решение проблемы доступности и равенства в российском образовании есть, но оно достижимо только на пути преодоления без-нравственного и без-нравственного, в движении отечественного образования к его *исконной* культурной и исторической роли образовывать человеком.

* * *

Человек назначением своим пребывает в двух частях единого мира – мире времени и мире вечности, существовании и бытии. Он – их связь и разрыв. Посредством духовного человек способен говорить с вечным, восходить в вечное, сознать извечное; ибо тело умирает, но дух живет (Рим. 8:9–12). Однако конечное назначение человека не просто духовное, но человеческое в смысле взращивания его к высшей форме человечности. Человечность есть великая задача, поставленная человеку. Чем наполнена ее целостность, в чем ее сущность и существо, в полноте своей еще предстоит разрешить. Именно высшей человечностью человек принадлежит вечному и сущности бытия. Иначе говоря, человечность – это не только замысел бытия, но извечно существующее в нем и вечно значимое для него условие бытийствования как бытия.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Августин 2021 – *Августин Аврелий Блаженный*. О Троице. М.: РИПОЛ классик, 2021 (Augustine of Hippo, *About Trinity*, Russian Translation).

Адорно 2000 – *Адорно Т.В.* Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000 (Adorno, Theodor W., *Probleme der Moralphilosophie*, Russian Translation).

Бердяев 2011 – *Бердяев Н.А.* Царство духа и царство кесаря // *Бердяев Н.А.* Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 201–342 (Berdyayev, Nikolay A., *The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar*, in Russian).

Беседа с Хайдеггером 1991 – Беседа с Хайдеггером // *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. С. 146–158 (*Grand entretien avec Martin Heidegger*, “L’Express” 20–26 oct. 1969, Russian Translation).

Выготский 1999 – *Выготский Л.С. Педагогическая психология // Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1999. С. 5–318 (Vygotsky, Lev S., Pedagogical Psychology, in Russian).*

Ильин 1993^a – *Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 5–132 (Ilyin, Ivan A., Resistance to Evil by Force, in Russian).*

Ильин 1993^b – *Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 133–288 (Ilyin, Ivan A., The Path of Spiritual Renewal, in Russian).*

Ильин 2023 – *Ильин И.А. Еще раз о воспитании в грядущей России // О воспитании и образовании в грядущей России. Значение веры в педагогике (по трудам И. Ильина). М.: Амрита-Русь, ИД Шалвы Амонашвили, 2023. С. 182–185 (Ilyin, Ivan A., Once again about Education in the Future Russia, in Russian).*

Кант 1994^a – *Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч. В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137–376 (Kant, Immanuel, Anthropologie in pragmatischer Hinsicht, Russian Translation).*

Кант 1994^b – *Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. В 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. С. 5–678 (Kant, Immanuel, Kritik der reinen Vernunft, Russian Translation).*

Крайг 2000 – *Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000 (Craig, Grace J., Human Development, Russian Translation).*

Кьеркегор 1993 – *Кьеркегор С. Страх и трепет // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 13–112 (Kierkegaard, Søren, Fear and Trembling, Russian Translation).*

Хайдеггер 1991 – *Хайдеггер М. Закон тождества // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. С. 69–79 (Heidegger, Martin, Der Satz der Identität, Russian Translation).*

Юнг 2023 – *Юнг К.Г. Феноменология духа в сказках // Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2023. С. 247–303 (Jung, Carl Gustav, The Phenomenology of the Spirit in Fairytales, Russian Translation).*

Freire, Paolo (1985) *The Politics of Education, Culture, Power, and Liberation*, Bergin & Garvey Publishers, Inc., Wesport; London.

Ссылки – References in Russian

Карпов 2019 – *Карпов А.О. Образование в отношении к истине // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 56–66.*

Карпов 2021 – *Карпов А.О. Образование будущего: репродуктивно-продуктивный переход // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 5–16.*

Карпов 2023 – *Карпов А.О. Общество знаний: генезис, исследовательское образование, университет 3.0. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.*

Карпов 2024^a – *Карпов А.О. Образ образования будущего // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 17–28.*

Карпов 2024^b – *Карпов А.О. Феномен образования: экзистенциальный порядок бытия // Философские науки. 2024. № 67 (1). С. 54–73.*

Никитин 2004^a – *Никитин Е.П. Духовный мир: органический космос или разбегающаяся вселенная? // Никитин Е.П. Духовный мир: органический космос или разбегающаяся вселенная? М.: РОССПЭН, 2004. С. 277–293.*

Никитин 2004^b – *Никитин Е.П. Разум и основание (к расширению традиционных философских понятий) // Никитин Е.П. Духовный мир: органический космос или разбегающаяся вселенная? М.: РОССПЭН, 2004. С. 191–203.*

Шадриков 1994 – *Шадриков В.Д. Деятельность и способности. М.: Логос, 1994.*

Шадриков 1999 – *Шадриков В.Д. Происхождение человечности. М.: Логос, 1999.*

References

Karпов, Alexander O. (2019) “Education in Relation to Truth”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2019), pp. 56–66 (in Russian).

Karпов, Alexander O. (2021) “Education of the Future: Reproductive-Productive Transition”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2021), pp. 5–16 (in Russian).

Karпов, Alexander O. (2023) *Knowledge Society: Genesis, Research Education, University 3.0*, Kanon +, Moscow (in Russian).

Karпов, Alexander O. (2024^a) “Imagining the Future of Education”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2024), pp. 17–28 (in Russian).

Karpov, Alexander O. (2024^b) “The Phenomenon of Education: The Existential Order of Being”, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, Vol. 67 (1), pp. 54–73. (in Russian).

Nikitin, Evgeniy (2004^a) “The Spiritual World: an Organic Cosmos or a Scattering Universe”, *Nikitin, Evgeniy, The Spiritual World: an Organic Cosmos or a Scattering Universe?*, ROSSPAN, Moscow, pp. 277–293 (in Russian).

Nikitin, Evgeniy (2004^b) “Reason and Foundation (towards the Expansion of Traditional Philosophical Concepts)”, *Nikitin, Evgeniy P. The Spiritual World: the Organic Cosmos or the Scattering Universe?*, ROSSPAN, Moscow, pp. 191–203 (in Russian).

Shadrikov, Vladimir D. (1994) *Activity and Abilities*, Logos, Moscow (in Russian).

Shadrikov, Vladimir D. (1999) *The Origin of Humanity*, Logos, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

КАРПОВ Александр Олегович –
доктор философских наук, кандидат
физико-математических наук,
начальник отдела МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Author's Information

KARPOV Alexander O. –
DSc in Philosophy, Csc in Physics
and Mathematics, Head of the Department
at Bauman Moscow State Technical University.